

КМ526106

№ 2(32). 2019

Берега

Калининград

Людмила Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Народное слово в произведениях В.И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская шива», на который В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером»

По былинам нашего времени

О повести Николая Олькова «Мать сыра земля»

В статье пойдёт речь о сибирском эпосе писателя Николая Максимовича Олькова, нашего современника. Его малой (да и не очень-то малой) родиной является Тюменский край. Последние десятилетия он живёт в районном селе Бердюжье. В 2018 году вышло из печати собрание сочинений Н.М. Олькова в пяти томах. Читая его произведения и знакомясь с его героями, я думаю: былинные времена... Обычно так говорят о Древней Руси, о том времени, когда жили русские князья и богатыри, когда зарождалась русская культура и государственность. Так говорят о легендарных временах, воспетых в былинах.

XX век породил своих князей и богатырей, появились и «иных времён татары и монголы», по словам поэта Н. Рубцова. Новые герои действуют в иных обстоятельствах, но, вероятно, ещё более напряжённых и трагических. Русская литература запечатлела великие противоречия и беды, и, вопреки им, великие достижения и победы нашего народа в эту эпоху. Современные писатели обычно используют методы критического и социалистического реализма. Однако их оказалось недостаточно, чтобы в художественной форме осмыслить и прочувствовать до конца то, что произошло с нашим Отечеством и понять, куда мы идём. Видимо, поэтому в XX веке мастера слова снова стали обращаться к поэтике фольклора. В устном народном творчестве эпические жанры угасли, но они, впитав все достоинства фольклора, живы в творчестве русских писателей XX века. Достаточно, например, вспомнить творчество писателей Михаила Шолохова, Федора Абрамова, Бориса Шергина, Василия Белова, поэтов Николая Клюева, Юрия Кузнецова.

Особенность творчества писателя Н.М. Олькова, уникальная в наше время, заключается в том, что нередко одни и те же персонажи, изображаемые места и судьбоносные события встречаются в разных его произведениях. Такую переключку героев, событий и мест можно встретить только в былинах, быличках и сказках. Спаянность героев, событий и места действия, их сквозная преемственность делают собрание сочинений писателя сибирским эпосом XX века и наших дней.

Повесть Николая Олькова «Мать сыра земля» можно определить, с одной стороны, как былинку нашего времени, а с другой стороны, это сказ, поскольку главный герой и повествователь совпадают. При этом речь рассказчика – это говор сибирского крестьянина, насыщенная диалектными словами и оборотами речи. Фольклорная закуска этого произведения угадывается уже в его названии. Старинное выражение «*мать сыра земля*» пришло из устного народного творчества, из русского поверья о земле как главном сокровище народа, которое представлено в трёх ипостасях: земля – кормилица, рождающая хлеб, мать – женщина, рождающая человека и, наконец, Богородица, родившая Спасителя – Иисуса Христа. На эти три основных смысла наслаиваются и многие другие, как более архаичные, так и более поздние.

Академик В.Н. Топоров, вслед за другими историками славянской культуры и религии, исторически возводит образ матери сырой земли к древней языческой богине славян Мокош, Великой Матери [4; 11]. В отличие от фольклора, в художественной литературе эта этимологическая связь уже не осознавалась, поскольку в русской культуре преобладало православное самосознание, однако она не исчезла бесследно. Достаточно вспомнить такие произведения, как: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова –Щедрина, «В лесах и на горах» П. И. Мельникова-Печерского, «Братья Карамазовы» и «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Власть земли» Г. И. Успенского, рассказы В.И. Даля и других писателей XIX века.

В двадцатом веке, эпохе страшных войн, революций и крушения цивилизационных устоев, эта мифологема в преобразованном виде вновь стала актуальной во всей своей многозначности и многозначительности, поскольку в ней отразилась сама основа человеческого существования в мире. В матери сырой земле, в Великой Матери, искали защиты и спасения. Неслучайно многие наши писатели и поэты, несмотря на различие своих политических мировоззрений, обратились к этому образу. Вспомним «Песнь о Великой Матери» Н.А. Клюева (1932), «Мать сыра-земля» Б. А. Пильняка (1924), «Взвихренная Русь» (1917–1924) А. М. Ремизова.

Мифологема матери сырой земли неоднократно исследовалась и по-разному объяснялась отечественными филологами и философами, начиная с Ф.И. Буслаева. В начале XX века, в филологической культуре серебряного века к этой древней мифологеме проявился небывалый интерес [2: 6; 7; 9; 12 др.]. Если кратко сформулировать её первоначальное содержание, реконструированное историками культуры и религии, то Великая Мать, она же мать сыра земля, это космическое женское божество – прародительница, жизнедательница всего сущего, вселенной и она же – смертная утроба, поглощающая всё живое. Как и любая мифологема, она синкретична, о чём пишут многие исследователи, и парадоксально совмещает в себе противоположные смыслы [12: 447; 9: 107–122; 4; 10; 11; 13].

Архаичный смысловой слой этой мифологемы, воплощающей в себе понятия рождения и смерти, а значит жизни и неумолимого времени, нашёл отражение в лирическом сюжете стихотворения И. Мандельштама:

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идёт
Её влечёт стеснённая свобода
Одушевляющего недостатка.
И, может статься, ясная догадка
В её походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – *праматерь гробового свода,*
И это будет вечно начинаться.

Есть женщины, *сырой земле* родные.
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших – их призванье.
И ласки требовать от них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра только очертанье...
Что было поступь – станет недоступно...
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И всё, что будет, – только обещанье.

Современный поэт-пророк Юрий Кузнецов в 1984 году также обратился к философскому осмыслению образа матери сырой земли как Великой Матери в своём стихотворении «Сито»:

Наша истина – сито полное,
В чьих руках оно, ты не спрашивай...

Сито частое мать с гвоздя брала,
Против солнышка муку сеяла.
Из муки простой вышел хлеб святой.
Старший ел его да похваливал,
Средний ел его да покрывал,
Младший ел его да помалкивал,
Да на вольный свет все поглядывал.
Вон звезда горит, вон еще одна,
Много в небе дыр, да не выскочить.
Крепко дух сидит в белых косточках.
Вон старик идет, еле тащится,
Из него давно дух повыскочил,
Из него давно песок сыплется.
Мать-сыра земля – наша истина,
Через девицу сеет восточки,
Через матушку сеет косточки,
Через старицу сеет высевки.
Мать-сыра земля не про нас с тобой.
Через белый свет, через истину:
Племена прошли – не задумались,
Времена прошли – словно не были.
Мы пройдем насквозь – не задержимся,
Ничего от нас не останется,
Что останется – будет лишнее.

Философский сюжет этого стихотворения имеет мифологическую основу, поэтому его можно понять, только если учитывать соответствующий культурно-исторический контекст. Великая Мать, мать сыра земля, в древнем представлении «дважды всемогущая, дважды побеждающего всякого – *страстью и смертью* – и дважды приемлющая в себя каждого – в рождении и в погребении. Но в древнем веровании не было этого раздвоения Земли на Смерть-губительницу и Любовь-родительницу. ... Земля была и той и другой вместе, – короче, она была Судьбой, мировой Необходимостью, Временем» [9: 110]. В стихотворении Ю.П. Кузнецова этот образ человеческого бытия и неумолимого времени-рока воплощается очень ярко.

Совершенно не случайно, что к этому грандиозному и проникновенному образу обращаются в эпоху тяжёлых испытаний и наивысшего напряжения физических и душевных сил человека. Ярким свидетельством этого является трагическая поэма «Сын» Павла Антокольского, которую он написал в 1943 году после гибели сына Владимира. Духовная и эстетическая сила мифологемы «мать сыра земля» так велика, что поэт-коммунист, на словах признающийся даже в этой поэме в своём атеизме, вдруг обращается к мифологическому сознанию, без которого, действительно, невозможно создать эпическое произведение. Приведу отрывок из поэмы, где он описывает гибель сына:

Он видел все до точки, не обидел
Сухих травинок, согнутых огнем,
И солнышко в последний раз увидел,
И пожалел, и позабыл о нем.
И вспомнил он, и вспомнил он, и вспомнил
Все, что забыл, с начала до конца.
И понял он, как будет нелегко мне,
И пожалел, и позабыл отца.
Он жил еще. Минуту. Полминуты,
О милости несбыточной моля.
И рухнул, в три погибели согнутый.
И расступилась мать сыра земля.
И он прильнул к земле усталым телом
И жадно, отучаясь понимать,
Шепнул земле – но не губами – целым
Существованьем кончившимся:
«Мать».

Эти строки обладают огромной поэтической и духовной силой, и её таинственный источник – древний образ матери сырой земли. Поэма называется «Сын» и посвящена она младшему лейтенанту, сыну, но речь в ней идёт не только о сыне поэта. Это эпический собирательный образ – молодого героя Отечественной войны, защищающего Родину-Мать.

Таким образом, в этом ёмком образе – «*мать сыра земля*» – соединились нераздельно Природа, Человек и Небо. Такое древнее архетипическое представление о мироздании сохраняется в русской культуре до наших дней, характерно оно и для крестьян, не утративших связи с родной землёй. Об этом свидетельствуют произведения писателей «почвенного направления». О таких творцах слова в своё время написал Н.А. Клюев образно и глубоко по мысли:

В бору, где каждый сук – моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуны могил.

О Николае Максимовиче Олькове также можно сказать: он – писатель, который «*голос уловил Кормилицы мирской и пестуны могил*». Писатель изображает героев своих произведений с неподдельной любовью. Это дети матери-земли, крестьяне, любящие свою мать и не покинувшие, а наоборот, защищающие её от многообразным врагом: будь то завоеватели, или пришлые люди, одурманенные идеологической химерой или жаждой наживы. Любовь эта взаимна. Еще Ф. И. Буслаяв в своей книге «Русский богатырский эпос» (1887) отметил: «Итак, сама мать сыра земля любит Микулу Селяниновича и весь его род-племя» [3].

Сравнительно небольшая повесть «Мать сыра земля» охватывает огромный период нашей российской истории: с XVIII до середины XX века. Столь же масштабно не только время повествования, но и его пространство: вся Россия от Онежского озера и западных границ до Сибирских просторов. Обычными методами художественного повествования, характерного для критического реализма, уложить всё это в одну повесть было бы непосильной задачей. Например, чтобы изобразить жизнь России только первой четверти XIX века, Л.Н. Толстому потребовалось написать толстые тома. Свообразие повести Н.М. Олькова заключается в том, что он использует совершенно иную поэтику композиции, пожалуй, более характерную для устного народного творчества и древнерусской литературы: широта и обобщённость видения пространства и времени, мифологичность и одновременно предельная конкретность бытовых описаний. Всё это служит средством изображения жизни сибирских крестьян как высокой трагедии.

Повесть начинается с семейных легенд, которые передают из поколения в поколение уже двести лет из уст в уста: «*Дед Максим любил рассказывать эту историю, потому что остался самым старым в деревне и, пожалуй, один помнил деда Маркела и его повествование*». И дальше вглубь времени о русских богатырях: «*Сказывал эту быль дедушка покойный, а он сто пять годиков прошарашился по земле, в семьдесят женился на молодухе, да ещё двоих ребятшек изладил*». И опять в глубь времени: «*Так вот, дед Маркел Епифантьевич как-то рассказывал, ... что отец его Епифан Демидович шёл в эти края аж от Онежского моря...*» [8: 295]. Получается, если подсчитать, в этом селе прошла жизнь семи поколений, пока не появился на свет главный герой – *Лаврентий Акимушкин*, или просто по-деревенски *Лавря, Лавруша*. В этой семейной были повествуется, как зародилась деревня, какие стихийные и рукотворные беды она пережила и выстояла к середине XX века – переломного в истории России.

Далее после этого зачина весь сюжет повести пронизан неявными противопоставлениями, на которых держится композиция повествования: вольная крестьянская жизнь семьи на своей земле и колхозный подневольный труд на отчуждённой земле; мир и война, любовь и ненависть, любовь и смерть, любовь земная и любовь небесная, самопожертвование в борьбе с врагом и трусливое предательство. Само повествование также «двоится», создавая особый художественный узор, соединяющий как настоящее с прошлым, так и происходящие события с внутренним монологом повествователя. Значимой находкой писателя Н.М. Олькова является особое построение былины-сказа, при котором повествователь от первого лица, сказителя, обращается всё время к самому себе, и использует поэтому не местоимение я, как обычно, а местоимение ты, или даже называет себя по имени. Вот пример: «*Охвати, Лавруша, большую свою голову руками, сдави, сожми, стисни, пусть мозги из последних сил соберут всё в одну точку, чтобы понял ты, почему всё так получилось*»

[8: 316]. В результате возникает впечатление, что все события пропущены через сознание героя, через его думы – добрые, счастливые, или печальные, трагические. И сознание читателя включается в эти думы, расстояние между сказителем и слушателем (читателем) сокращается, а при внимательном чтении совсем исчезает.

Главный герой Лаврентий Акимушкин – образ удивительный, сокровенно русский. Это наш русский герой, о котором многие писатели уже забыли, и хорошо, что Н.М. Ольков нам о нём напомнил. Главная его черта – искренность и честность, которая позволяет людям безнравственным считать его дурачком. Да, образ типичный для русского фольклора и художественной литературы: от Ивана-дурака, крестьянского сына, до героя Ф.М. Достоевского – князя Мышкина, «идиота». Вместе с тем, это личная авторская находка, несмотря на предшественников. Следует заметить, что в наше время этот образ приобретает особую значимость. Он заставляет нас, современников, вспомнить основы русской нравственности. Создав этот образ, писатель Н.М. Ольков обращает наш взор к вечному вопросу русской историософии, который обычно становится актуальным в переломные, смутные, времена в жизни нашего отечества. Это вопрос о народном характере и крестьянстве и о русском нравственном идеале, определяющем ход истории. Образ матери сырой земли, архаичный и вечно живой, в художественной форме помогает ответить на этот вопрос. Действительно, в XX веке этап за этапом происходило отчуждение народа от родной земли: разрушение крестьянской общины, Октябрьская революция и последующая коллективизация, затем укрупнение деревень и, наконец, нынешняя «приватизация» земель, лишившая крестьян земли. Подробно, с привлечением документов и статистики эти процессы рассмотрены, например, в статье В.Я. Кириллова «Отчуждение Родины» [5].

К сожалению, природная связь крестьян с землёй, общинный строй их жизни у многих представителей интеллигенции, подверженных западному влиянию, вызывали неприятие. В 1918 году известный религиозный философ Н.А. Бердяев в своей книге «Судьба России», противопоставляя западное рыцарство и русскую душевность, писал: *«Вселенский дух Христов, мужественный вселенский логос пленён женственной национальной стихией, русской землёй в её языческой перво-родности. Так образовалась религия растворения в матери-земле, в коллективной национальной стихии, в животной теплоте. ... Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт»* [1: 10]. Сказано очень сердито. Кроме этого, умный философ и публицист Н.А. Бердяева рассуждает слишком абстрактно. Удивляет, что эти мысли пришли к нему в тот момент, когда он наглядно видел, какой хаос наступает, когда народ оторван от земли войной и другими обстоятельствами! И как страшно смотреть, когда красные и их противники мужественно проливают свою кровь! А проливают они её за землю и за власть над ней! Нет, трудно согласиться с Н.А. Бердяевым. Его современник о. Сергей Булгаков рассуждал иначе, сердцем был близок Ф.М. Достоевскому и писал: «Это именно чувствовал и провозгласил наш прозорливец «матери земли» Ф.М. Достоевский в словах своих: «Богородица *мать-сыра земля есть*, и великая в том заключается для человека радость»» [2].

Именно мать сыра земля, Великая Мать и Богородица всегда спасали русского человека. В наше время мы забыли об этом, и поэтому огромные пространства брошенной русской земли заросли чертополохом и кустарником.

В повести Н.М. Олькова с большой любовью показано, что кровная связь крестьянина с землёй начинается с раннего детства: *«Это ещё в одиночные времена было, Акимушкины пахали на своих наделах тридцать десятин пашни, ты совсем малым был, без итанов лазил, следом за отцом или дедом ходил свежей бороздой. Земля мягкая, жирная, плужок её отвалит в сторонку, основание ровное и плотненькое, детская ножонка только влажный следок оставляет. Ты любил присесть на нетронутую твердь, ноги в пахоту засунуть и ждать, когда отец или дед круг сделают...* [8: 313]. Вспоминает Лаврентий и свою первую пахоту как самое главное в жизни событие: *«Ты и сейчас помнишь, как высоко взлетела душа, когда первый пласт вспаханной тобой земли легонько отвалился в сторону ...»* Дед Максим именно так высоко ценил это событие и считал, что с него начинается настоящая жизнь мужика: *«На всю жизнь запомни этот день, ласковой да сердешной. Первая в жизни своя борозда, на своей земле, матери-кормилице А на чужой – ничто не в радость, одна, одна усталость. ... Потом женим тебя, ну, я не доживу, а отец тебе отведёт и пашню, и покосы, станешь хозяин, а когда человек сам себе хозяин – запомни, Лавруша,*

он ни перед кем шапку не ломат, окромя Господа» [8: 315]. Важно подчеркнуть, что философию жизни и её цель дед Максим исповедует перед внуком на пашне, на земле, а не абстрактно-обобщённо как это делают кабинетные мыслители. Крестьян учит сама мать-земля.

В этой статье мы размышляли только над некоторыми важными вопросами, которые поставил в своей повести «Мать сыра земля» Николай Максимович Ольков, талантливый писатель, знающий русскую почву и глубоко понимающий русскую судьбу. Эта повесть достойна того, чтобы к ней снова вернуться и продолжить наши размышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: Изд-во МГУ. 1990. – 256 с.
2. *Булгаков, С. Н.* Свет Невечерний: созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Москва: Республика, 1994. – 415 с.
3. *Буславев Ф. И.* Русский богатырский эпос. 1887.
4. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа. Сборник «Балто – славянские исследования. 1982.
5. *Кириллов В. Я.* Отчуждение Родины // «Берега» Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – № 6 (24). – Калининград, 2017. – С. 8–18.
6. *Коринфский А. А.* Мать – Сыра Земля // Народная Русь : Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. – С. 1–18.
7. *Максимов С. В.* Мать – Сыра Земля // Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильворг, 1903. – С. 251–274.
8. *Ольков Н. М.* Мать сыра земля // Собр. Соч. Том 5. – М.: «Российский писатель», 2018. – 295–384.
9. *Священник Павел Флоренский.* Первые шаги философии // Священник Павел Флоренский. Соч. в четырех томах. Том 2. Москва: «Мысль», 1996. – С. 61–130.
10. *Толстой Н. И.* «Покаяние земле» // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М.: Индрик, 2003.
11. *Топоров В. Н.* К реконструкции балто-славянского образа Земли-Матери *Zemīa & *Matē (Mati). Сборник «Балто – славянские исследования 1998 – 1999. XIV. – М.: Индрик, 2000. – С. 239–271.
12. *Трубецкой С. Н.* Этюды по истории греческой религии // Собр. Соч. Том II. – М., 1908.
13. *Шокальский Ежи.* Посвящение в материнство (о реликтах древних мистерий в лирике Ключева) // In memoriam: Эдуард Брониславович Мекш. – Daugavpils Universitātes Akadēmiskais Apģāds «Saule», 2007. – С. 129–141.

